

ФАНТАЗИИ

ЖЮЛЬ-ЖАНЕНА.

Переводъ съ Французскаго.

Ч А С Т Ъ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

ФАНТАЗИИ

ЖЮЛЬ-ЖАНЕНА.

ФАНТАЗИИ

ЖЮЛЬ-ЖАНЕНА.

Переводъ съ Французскаго.

Ч А С Т Ъ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВИНГЕБЕРА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1 Октября 1833 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

І-й части.

Предисловіе.

1. Крейслеръ.

2. Смершь Дуаена.

3. Женни цвѣшочница.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Да простиаъ мнѣ чипа-
пели названіе сихъ повѣс-
тей. Приличнѣе было бы
назваъ ихъ: сказками или
просто повѣспіями. Но въ
нашей шуманной литера-
турѣ не всякой воленъ въ
выборѣ. Обспояпельспва, а-
особенно мода, богиня ско,
ролешныхъ произведеній

часто налагаешъ на насъ
слишкомъ спрөгїя условїя.

Сїи чепыре пома не имѣ-
юпть ни одного изъ доспо-
инспвѣ, оплїчающїхъ вели-
каго писашеля, опкрывшаго
намъ доселѣ неизвѣспную
поэзію, поэзію семейспвен-
ной и холоспой жизни; поэ-
зію щаспливаго челоуѣка, ни
чѣмъ ни занимающагося, че-
лоуѣка спраспнаго безъ
спраспей, пьянспвующаго
не бивѣ пьянымъ, спящаго
бодрспвуя; поэзію любише-
ля курїпельнаго табаку во

всѣхъ родахъ онаго: свое-
нравную, веселую, гибкую,
блиспательную, болѣе без-
порядочную нежели убран-
ную, показывающуюся го-
лою всякому встрѣчному,
но всегда скромную, непо-
рочную. Фанпазія походитъ
на прелестную и прелюбез-
ную дѣвушку, любящую ве-
селость и вольность обра-
щенія, царствующаго въ ко-
фейныхъ домахъ, и ищущую
дешеваго развлеченія. Мы
съ удивленіемъ и радостію
встрѣпили ее при перехо-

дѣ изъ Германіи: какая разница между сею поэзіею и всѣми предъидущими! Величественная поэзія была прекрасна, повелипельна. Но и простая поэзія имѣетъ свои прелести, эпическая поэма прилична богамъ, повѣсповѣпельная прилична людямъ. Милый ребенокъ - купидонъ цѣлуешь Сюзану, и видя ея холодность, обращаешься къ Фаншешъ, съ квоею онъ болѣе дерзокъ. Гофманъ, замѣняешь Фаншешу въ поэпическомъ мѣрѣ; Гофманъ, по-

вѣспь, послѣ поэмы и драмы, Гофманъ, проспая поэзія, слѣдующая за величественною и сохраняющая ее блескъ.

Повѣспь походипъ на раду : величественная поэзія нисходипъ къ намъ съ Парнасса; проспая же восходипъ къ намъ съ престола, болѣе ей свойственнаго. Величественная поэзія являешся среди молній и грома на Геликонѣ; проспая же являешся съ шумомъ вылетѣвшей пробки, и если и

окружена облакомъ, по облакомъ Нѣмецкаго табаку, невиннымъ дымомъ, послѣ коего не бываетъ бури. И такъ, она совершенно принадлежитъ нашему вѣку. Земная поэзія, рассказы, вопль новое наше поприще. Однимъ словомъ, сколько было можно, замѣчая разность времени, щастія и любви, мы нашли въ нашихъ временахъ нѣчто похожее на тысяча и одну ночь. Тысяча и одна ночь суть фантазія востока.

Хотя въ тысяча и одной
ночи и у Гофмана вы встрѣ-
чаете Королей и Принцевъ,
за то и замѣчаете, что
купецъ, рабъ, нѣмой, мо-
нахъ и вообще весь воспоч-
ный народъ, занимающъ
главныя роли сей поэзіи.
Тогда поэзія, умягчаясь, ни-
сходила къ народу; но вне-
запно оспановилась; и въ
то время, какъ воспокъ
представлялъ намъ граж-
данскія и полиптичѣскія сказ-
ки, съверъ не имѣлъ еще
оныхъ; правда, онъ имѣлъ

поэмы и исторіи, но удобопонятныя только для нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ и сильнѣйшихъ гражданъ, а когда низшедъ опъ величественной поэмы до проспой, или лучше сказаць, возвысясь до повѣстей, мы получили повѣсти прозаическія, подробный расказъ гражданской жизни, по сей расказъ ограничивался описаніемъ спалень и моленъ, и грубость составляла всю прелесть его. Подобныя сказки были разсказываемы, по мнѣ-

нію Паншагреля, Королю Людовику XI, Королевъ Наварской и другимъ.

Но я не намѣренъ соспавишь здѣсь исторіи повѣстей во Франціи: это было бы слишкомъ трудно и долго для меня, не принося вамъ большей пользы, итѣмъ болѣе, что нынѣ не любящъ болѣе разсужденій, и я даже сомнѣваюсь въ успѣхѣ *l'essai sur les eloges* Томаса и *l'essai sur l'oraison funebre*, Вильмена. Цѣль моя соспавишь въ помѣ, чшобы опредѣ-

лишь названіе фантазій и доказать, что я никогда не могъ и не хотѣлъ сочинять оныхъ — я не имѣю ни сколько добродѣтели, ни поэзіи, ни даже пѣхъ пріятныхъ пороковъ, копорые всѣмъ нравятся, и за копорья васъ всѣ любящъ. Фантазія въ моихъ повѣстяхъ только случай, по коему они были написаны безъ плана, выбора и намѣренія: Я знаю, что случай недостаточенъ для того, что-

бы оправдать сей гордый шипуль.

Но я еще увѣряю васъ, что это не моя вина, вина обшояпельспвъ, моды, ваша даже, ибо вы хопипе фанпазїи всегда и опвсюду, какъ будпо каждый можепть быпть поэпомъ, рисоватп чудеса на спънѣ углемъ, восхищатпся пивомъ и мечпатп въ дубовыхъ креслахъ, знапть всѣ пайпы скрипки и смычка, или называтпся Гофманомъ. Я часпо спорилъ съ пубою о семъ пред-

мешъ, любезной Роландъ, и особенно воспоминаю зимнюю ночь, проведенную нами при блескѣ свѣчей и пунша, когда ты мнѣ говорилъ все, что могъ, чтобы опоклонить опъ ошибокъ, свойственныхъ завистливымъ умамъ, которые заблуждаются, зная свои заблужденія.

Мы были въ двоѣмъ, онъ и я, я и онъ. Мы, соспавлявшее прежде одного, но въ эпошъ вечеръ насъ было двое, ибо мы сильно спори-

ли: онъ былъ доволенъ, видя меня спорящимъ, и удерживалъ какъ лошадь за узду, боясь, чпобы она не взбѣсилась: ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ тихія, разъяренныя лошади, кусающія и брыкающія.

Предметъ нашего спора былъ весьма важенъ въ эпоху вечеръ. Ночь была свѣшлая, огонь сильный, вѣтеръ насвисывалъ тысяча и одну непріятную вариацию; мы оба сидѣли въ креслахъ, а креслы спояли

въ нашей комнапѣ; мы громко думали; какія думы!

Посудите о пройденномъ нами проспранспвѣ въ нѣсколько часовъ! Размышляя о воображеніи, мы перешли опѣ Гомера къ Гофману; опѣ поэмы въ стихахъ къ повѣспямъ въ прозѣ; съ Афинскаго Олимпа въ Нѣмецкій кофейный домъ; наконецъ мы перешли къ берегамъ воображаемой Лепсы. Тупѣ-шо мы ожидали изъ сего шаинспвеннаго опіверспія объясненія воспоргу,

копорый производишь въ насъ Гофманъ. Но до сихъ поръ еще ожидаемъ.

У насъ было споль много времени, что мы, подобно дѣшамъ или сочинителямъ риторикъ, спрашивали: существуетъ ли фантазія? что есть фантазія? Это продолжалось весьма долго, ибо трудно выпутаться изъ Аристотелевскихъ подраздѣленій. Потомъ послѣдовали другіе вопросы: явилась ли съ нашимъ вѣкомъ новая поэзія,

или неизвѣстный родъ драмы; явилось ли нѣчто могущественное въ области поэзіи; явился ли островъ, поперянный изъ виду при Гомерѣ и открытый Гофманомъ опасный островъ, покрытый шиною, не оставляющій слѣда по проходимъ? Отвѣчай же на мой вопросъ, говорилъ Роландъ, отвѣчай: если по моему мнѣнію существуетъ фантазія, то скажи, гдѣ она, что она дѣлаетъ, откуда происходитъ? Сказавъ сіе,

Роландъ прохаживался гордо по комнапѣ, какъ будто написалъ хоры Фауста.

Зная, что онъ привыкъ къ неполученію отвѣповъ, я опклонился опъ его прудныхъ вопросовъ, и взявъ щипцы, началъ расправлять огонь, насвистывая арію изъ *La Grande Pinte*, сочиненную въ городѣ, гдѣ я родился, побою, ученый и вѣрный мой соотечественникъ, Жанъ-Поль! Богъ да благословишь и успокойшь шебя

въ звѣздномъ небѣ тысяча
и одной ночи.

Расправляя огонь, являющ-
ся искры, подобныя моло-
дымъ душамъ, вылепающимъ
изъ чиспилица, освободясь
опъ грѣха. Видишь ли сѣн
души, Роландъ, поднимающія-
ся съ крикомъ въ верхъ?
Видѣлъ ли ихъ Гомеръ, сей
великій слѣпецъ, всевидѣцъ?
Нѣтъ, Гомеръ не видалъ
искръ домашняго быта, не
видалъ и тогда, когда имѣлъ
собственныи домашній
кругъ. Онъ видѣлъ небо,

планеты, Афинское солнце, но поперялъ зрѣніе, разсма-
тривая сіи огромныя хра-
нилища Свѣта. Онъ парилъ
выше Тасса, узрѣвшаго съ
высопы горы Іерусалима.
Онъ видѣлъ волканы, лѣса,
ручьи, ключи, моря и даже
людей вышиною въ шесть
локтей! Поэзія Парнасса,
Музы, Апполона верхомъ,
Апполона, копорый на-
онецъ походилъ на Людови-
ка XIV, были предметами
поэзіи Свѣта. Все было ве-
лико и величественно въ

семъ міръ. Щедро разсыпали по оному видимыхъ боговъ, проливая ихъ кровь; богинь, коимъ горы замѣняли будуары, облака замѣняли покрывала опъ любви. Какъ счастливы первые поэты, Роландъ! весь міръ былъ въ ихъ власпи, физическій и нравспвенный. Греція и домъ Апрекомедія имѣли Сокрапа. Теперь Свѣшъ опуспѣлъ; Сокрапъ умеръ — все извѣспно. — Еливзійскія шаинспва сущъ дѣшскія игрушки, Египеп-

скія муміи весьма дешевы. Сфинксъ и Зодіакъ Дендера помѣщались въ водевиляхъ; всѣ планеты описаны и названы.

Люди споль же многочисленны какъ и звѣзды, споль же покойны, выходяпть и входяпть въ кругъ жизни, въ извѣстное время; они не переселяюпся. Басни, яроспныя бипвы, погребальныя игры, невидимыя боги, войны за улыбку прелеспной женщины, спарцы вспающія при проходѣ Елены, все

кажешся нынѣ спраннымъ, напянутымъ ; нынѣ смѣюся, слыша разсказъ о десятилѣтней осадѣ.

Роландъ, игравшій съ моею собакою, обернулся съ важнымъ видомъ: прекрасные русые его волосы были разбросаны по челу его ; онъ казался вдохновеннымъ.

О! сказалъ онъ, первобытные люди безъ сомнѣнія были щасливѣе: я увѣренъ, что собака Дарія Кадомана, перебѣжавшая наканунѣ Арбельскаго сраженія къ Алек-

сандру, была лучше и умнѣе
пвоей собаки. Женщины бы-
ли прелеснѣе; поэпы ве-
личеспвеннѣе! Судя по пво-
имъ разсужденіямъ, поэпн
недоспаепъ міра, а не міру
поэпн. Ничпожная гордоспъ
не опдаепъ справедливоспн
ни прошедшему, ни наспо-
ящему, другъ мой!

Нѣспъ, опвѣчалъ я ему,
поэпы всегда будуспъ на
землѣ. До пѣхъ поръ, пока
малѣйшая правка оспанеп-
ся на землѣ или звѣзды на
небѣ, или женщины, всегда

будущъ поэты; пока умиленіе будешь въ сердце нашемъ, будущъ поэты; пока другъ подаспъ руку другу. Но трудно заспавишь поэта говоришь, любишь, чувствовашъ сражашъся! Поэтъ не хочешь выказывашъся впередъ въ то время, какъ прочіе люди скрываются за подобными себѣ. Извѣспность его опличашъ среди пашнспвенности; онъ краснѣешь своихъ спраспей, окруженный эгоизмомъ, и видя людей, скры-

вающихъ свои чувспва, онъ скрываетъ поэзію. Энпузіазмъ народа еспъ опголосокъ поэшовъ. Поэпъ молчипъ, боясь не найпи опголоска. И пы, Роландъ, не обвиняй поэзи; виновны я, пы, и всѣ прочіе тому, чпо нѣпъ поэшовъ, мы ихъ не понимаемъ.

Жаль, сказалъ Роландъ, нбо если мы лишимся поэзи, по чѣмъ же занимапья намъ молодымъ людямъ? Жаль пошому, чпо если общеспвенное приличіе обни-

мешъ поэшовъ шо они по-
гибнуть. Общественное
приличіе все разрушило ме-
жду нами, сперва загло
брани, потомъ любовь, вѣ-
ру, власпъ, всюду проходи-
ло, подъ всѣми видами; оно
являлось въ комедіяхъ, са-
ширахъ, трагедіяхъ, энци-
клопедіяхъ, лишературѣ.
Согласись, что если въ об-
ществѣ находятп поэзію
смѣшною, шо мы, которые
не опдались шѣломъ, ду-
шею, соспояніемъ, будущ-
ностію, наспоящимъ и про-

шедшимъ зависши, погиб-
немъ.

Сознайся, Роландъ, что ты
несправедливо спрашивалъ
меня, что есть фанпазія?
Я отвѣчаю тебѣ, это един-
ственная поэзія, которую
поэты могутъ сотворять;
ее должно уважать, искать
ее всюду, встрѣчать съ лю-
бовію и опверсными объ-
ятіями, а не спрашивать гдѣ
она, подобно тому, какъ ты
спрашиваешь о своей любов-
ницѣ; ибо сія поэзія столь
же горда, какъ и величест-

венна. Она, подобно ей, бываетъ бранчива, капризна, зла, шиха и упомленна. Она походитъ на любовницу, повелѣвающую своимъ обожаемымъ.

Я наполнилъ наши спанканы и дружески съ нимъ чокнулся; мы пребыли въ бездѣйствіи, сложивъ руки, съ покойнымъ сердцемъ и головою, щаспливymi друзьями, наслаждаясь миромъ и покоемъ ночи.

Онъ взялъ трубку, вошкнулъ ее на чубукъ, какъ

музыкантъ флейту, набилъ ее Испанскимъ пабакомъ и завернулся въ волнистое, понкое, прозрачное, восхищительное для Турка облако дыма. Не знаю, долго ли мы пробывли въ семъ положеніи, часъ, а можетъ быть и шестъ мѣсяцевъ, однако по испеченіи сего времени онъ сказалъ:

Почему, черпъ возми, поэты могутъ только писатъ фанпазіи?

Въ сіе время я былъ расположенъ чипатъ прощанія

Андромахи съ Гекшоромъ, и упирая слезу, сказалъ ему хладнокровно: поэмы безсильны, они не видяпть великихъ дѣлъ, ни великихъ несчастій; великія люди погибли для поэзи. Новѣйшія несчастія, дѣйствія, люди, споль велики, что поэзія можетъ только сравняться съ ними. Взгляни на окружающіе тебя предметы, Роландъ, какую оду можно сдѣлать изъ Ваперлооской битвы? какую трагедію изъ Бонапарша? Можно ли сдѣ-

лапъ эпическую поѣму прелестнѣе проспаго разсказа пожара Москвы? Не бойся, взгляни на 1793 годъ, въ которомъ Французская Королева, и вся аристокрапія лишились жизни однимъ ударомъ. Сочини романъ, достойный сей исторіи! Видишь, что никакой поэтъ не можетъ сыскать поэзіи, достойной сей ужасной исторіи, окровавленной истинною кровію. Нужно ли поэту вымышлять слова спраши и кровь? И такъ, поэ-

шы не могуць быць подобными предшеспвовавшимъ, ибо оды, прагедіи, драмы, романы и эпическія поэмы уже не сущеспвуютъ.

Онъ сѣлъ за форшепіано, запѣлъ арію Далеѣрака, славившуюся въ XVIII вѣкѣ: сперва разыгралъ ее, потомъ громко спѣлъ, и снова, тихо, почни шопопомъ и съ усмѣшкою повпорилъ оную; онъ то ускорялъ, то оспанавливалъ звуки, сочиняя совершенно другую арію; но вдругъ оспановившись, если

поэты не могутъ писать
одъ, почему не пишутъ они
эклогъ, или не подражаютъ
Далейраку, сказалъ онъ; мнѣ
кажется, что пеперешняя
эпоха есть удобнѣйшая. Вир-
гилій воспользовался смяше-
ніями при Августѣ. Теперь
мы не терпимъ недоспаш-
ка въ смяшеніяхъ. Это есть
одно средство употребить
съ пользою сіи несчастія,
междоусобныя войны. Вир-
гилій написалъ десять эклогъ
послѣ кровавыхъ междоу-
собныхъ войнъ. Если нуж-

но крови, развалинь и започеній, для того, чшобы Аркадскіе паспухи могли сразипсья на флейсахъ подъ пѣнїю въпвиспаго бука, шо они не лишены оныхъ.

Какую прелеспную оду можно было бы написатъ въ честь корабля Шербурга! сказалъ онъ насвипсывая арїю: *O ma tendre musette* и играя ся варїаціи; я шерпеливо ждалъ конца.

Когда онъ кончилъ, шо я сказалъ ему: не ужели ты не вѣришь, чшо идиіи, ни-

когда не славившіяся между нами, и копорыхъ Г. Сегре и другіе почипають за послѣдній родъ забавныхъ сочиненій, были бы шеперь ужасною насмѣшкою? Можно ли воспѣвать паспуховъ, лѣса и силу быка, со времени изобрѣпенія паровыхъ машинъ, чугунныхъ дорогъ?

Съ давнихъ временъ испорченность физическая и нравственная природы были одинаковы. Паспухи и паспушки у Теокрыта были добродѣтельныѣ своего

вѣка, но въ операхъ ихъ добродѣтель еще увеличена. Паспухи и паспушки Теокрипа хопя небыли истинны, по крайней мѣрѣ правдоподобны; поэзія удовольствовалась правдоподобнымъ вмѣсто истиннаго. Оперные паспухи въ розовыхъ лентахъ были совершенно неправдоподобны, почему поэзія не могла ими пользоваться: она столь же боится ихъ, какъ и нашихъ героевъ новѣйшей испорціи, столь преувеличенныхъ. Что

можепть дѣлапть поэзія въ царспвованіе машинъ? Гроза не опасна съ изобрѣшеніемъ громовыхъ опводовъ, засуха и наводненія не сущеспвуютъ съ успройспва каналовъ; нѣпть болѣе дурнаго вина послѣ изданія руководспва къ винодѣлію: всѣ опасности для паспуха исчезли; волки и змѣи щипающа сказкою, какъ Меналкъ и Типирь. Разговоръ Виргилія съ Римлянами, о паспушеской жизни, былъ исполненъ поэзіи. Одно изъ

нещасній нашей поезіи еспь по, что разговорная поезія уже слишкомъ употребительна. Что же касается до одь, подобно Гораціевымъ, то предоспаваю шебъ писать оныя въ то время, какъ сженедѣльные революціи заспаваютъ тебѣ оспаваютъ начашую оду.

Роландъ, видя свое поражение, посмопрѣлъ на меня съ видомъ хитраго побѣдителя и сказалъ, опираясь на форшепіано: И такъ, если сія невозможность доказа-

на, почему ты говорилъ, что поэты не только что не могутъ, но и не хотятъ творить величественной поэзіи? Я бы желалъ знать, почему поэтъ, могущій творить величественную поэзію, не рѣшился бы на сіе?

Не должно думать, Роландъ, что истинный поэтъ будетъ столь безуменъ, что спанетъ предаваясь горячности въ вѣкъ столь хладнокровномъ; онъ не захочетъ идти по тернистому пути въ то время, какъ прочіе

слѣдующъ по пробишой до-
рогѣ. Повѣрь, поэмы ни-
когда справедливо не жало-
вались на бѣднospь; нище-
па ихъ еспь вымыселъ, ими
придуманнѣй для оправда-
нїя своего превосходспва
предъ прочими людьми; ни-
когда не смопря на общее
мнѣнїе и на собспвеннѣя
слова поэповъ, никогда они
не были безспльны и бѣдны
въ семъ мїрѣ: невозможно,
и я въ сіе вѣрую сполько,
сколько въ Бога; невозмо-
жно; чпобы Гомеръ былъ

нищій съ палкою и сумою; сошлося на семь городовъ, оспоривающихъ славу его рожденія. Ариспофанъ былъ въ свое время главою мнѣній, и онъ первый началъ, такъ сказать, огромный Крестовый походъ пропивъ новыхъ религій, начиная опъ Сократа и до Люпера, кончившійся у насъ пляжбами, ибо у насъ все кончается спранно. Посмотри въ исторіи! Ты увидишь величайшаго поэта вмѣстѣ съ извѣснѣйшимъ Государсп-

веннымъ челоѡкомъ, Корнеля вмѣспѣ съ Ришелье, Мильпона съ Кромвелемъ Расина между Людовикомъ XIV и его любовницами; Босюетъ управляетъ XVII-мъ, Мирабо XVIII вѣкомъ; Волперъ между сими вѣками, какъ необходимая связь, поэтъ, ни во что не вѣровавшій и революціонный, онъ глава сихъ двухъ партій, хотя невозможно узнать, къ копорой изъ нихъ онъ собственно принадлежитъ. И ты спрашиваешь, почему

поэпъ не можетъ назваться поэпомъ, ребенокъ? Поэпъ не можетъ быть поэпомъ въ то время, какъ окружающіе его не могутъ быть великими людьми. Что бы говорилъ громко, то должно видѣть общее вниманіе толпы; но толпа слишкомъ много видѣла, чтобы себя слушать; она пворила необыкновеннѣйшія поэмы и поэтому не будетъ внимательна къ чужимъ пвореніямъ: толпа есть величайшій человекъ въ мі-

ръ! **Виргилій** посвяпилъ свою поэму **Августу**; но полтъ, сему пирану новаго **Свѣша**, какую посвяпише вы поэму? Толтъ все знающей, все видящей, все объ-емлющей, въ то же время подданной и господствующей, побѣдительницѣ и побѣжденной, ребенку и спарцу, низкой и возвышенной, сему революціонному оселку какую посвяпише вы поэму?

Роландъ опвѣчалъ мнѣ съ обиженнымъ видомъ: Ты чер-

шовски вишіевапть сего дня;
нелзя ли говоришь шебъ
съ меньшимъ восхищеніемъ?
Я лучше бы понялъ шебя,
еспълибъ ты менѣе ора-
порспвовалъ.

Роландъ, прошу шебя не
бышь со мною споль спро-
гимъ; проспи мнѣ мой во-
споргъ, хошя въ шо время,
когда мы говоримъ о вели-
чеспвенной поэзіи; все воз-
вышенное единомушно.

Если такъ, сказалъ Ро-
ландъ, шо возврапимся къ
началу нашего разговора, и

пойдемъ пише: скажи мнѣ по проше, чшо должны мы ожидашь опъ поэшовъ, если, какъ ты говоришь, они не могутъ и не хопяшь пворить ни драмъ, ни одъ, ни поэмъ, ни идилій, ни чего изъ величеспвенной поэзи?

Я отвѣчу тебѣ весьма проспо, другъ мой Роландъ, чшо поэшы, перейдя опъ великихъ спрастей къ малымъ, и съ большаго Свѣша въ малый, будущъ описывають видѣнное, и будущъ пворить весьма хладнокров-

но малыя пворенія, какъ прежде шупя писали большія поэмы; однимъ словомъ, я доспигъ своей цѣли и сдѣлалъ бы сіе гораздо скорѣе, если бы пы не мѣшалъ мнѣ; однимъ словомъ, Роландъ, мы низошли опть поэмъ къ испиннымъ повѣспямъ, то еспъ, къ повѣспямъ безъ поэій, и опть оныхъ возвысились до фантазій, то еспъ, до повѣспей съ поэіею. Ты щепно опровергаешь сіи различія и никогда не увѣришься, что

неблагоприспойныя повѣспи Бокаса или Спю новыхъ новоспей, одного рода съ повѣспями Гофмана; нѣпть, сіи описанія обманурыхъ мужей, жадныхъ и безчестныхъ женъ, подлыхъ служанокъ, глупыхъ и дерзкихъ слугъ, сіи гражданскіе пороки, усовершенствованные геніемъ Лафоншена, не одного рода съ повѣспями Гофмана.

Въ его повѣспяхъ нѣпть непозволипельныхъ и легковѣрныхъ женщинъ, ни

обольщеній, ни сомнѣній. Его повѣспи полны здраваго разсудка и ума! Онъ ненавидишь площадныхъ выражений. Онъ разсмаприваетъ семейспвенную жизнь, но только нѣжныя и чистыя ея очерки; онъ ищеть нѣжныхъ ощущеній, глубокихъ спраспей, невинныхъ и сильныхъ чувспвъ! Спранно; но справедливо, что наши площадныя повѣспи заспавили бы краснѣшь музу Гофмана, музу площадную! Спранно видѣшь у Гофма-

на, пьяницъ и охопниковъ до шабаку, идеальными лицами; у него спраспи со-спавляющъ прелеспный ландшафтъ: весь мѣръ въ прелеспномъ безпорядкѣ, въ у-спреннемъ или вечернемъ на-рядѣ.

О великій пьяница! лю-безный пьяница! Онъ нико-гда не бываетъ слишкомъ пьянъ. Въ кофейнѣ, окру-женный смѣющимися сем-надцапи-лѣпными дѣвушка-ми, съ голыми руками, распро-панными волосами, онъ ува-

жаешь ихъ, какъ пы: двухъ
сестеръ своихъ. Лишь бы
онѣ не мѣшали ему пища
и куришь сколько ему: взду-
маешь, онъ будетъ съ ни-
ми любезенъ; какъ хорошо
воспитанный вельможа, онъ
будетъ казаться очарован-
нымъ сими дѣвушками! онъ
будетъ рассказывать имъ
небесную любовь и испо-
рїю прешьяго неба; онъ бу-
детъ любезенъ; онъ, проспой
и сельскій Гофманъ! Оста-
нешь съ нимъ невинныя ду-
ши, обожаемая дѣщи: его

воображенія! Оспаньпесь при немъ, ибо онъ одинъ занимается міромъ, воображаешъ свои ужасныя, несчастныя, любовныя испрадалъческія повѣспи.

Я начинаю понимать, сказалъ Роландъ, сочинитель фанпазій еспъ эгоиспъ, живущій воображеніемъ, презирающій хвалою и порицаніями міра. И такъ, да избавишъ меня Богъ опъ сихъ нечувспвишпельныхъ людей, думающихъ о своемъ только развлеченіи, не ду-

мая о развлеченіи себѣ подобныхъ; скука естъ болѣзнь всѣми испыпанная!

Сочинитель фанпазій, Роландъ, естъ человекъ оспорожный и умный, пихо разсуждающій, ибо знаетъ, что люди не имѣютъ времени его слушать, но не воспреещающій видѣться съ собою въ кофейнѣ, гдѣ рассказывая свои повѣспи, раздѣляютъ съ слушаемымъ вино, пиво и шрубку.

Въ швоемъ опредѣленіи недоспаетъ слѣдующаго: со-

чинитель фантазій есть совершенный пьяница, и долженъ быть непременно пьяницею.

Нѣтъ, Роландъ, сочинитель фантазій долженъ быть великимъ художникомъ; оно опличаетъ его отъ сбратій; мѣръ его не есть воображаемая пространства, не небеса возлегающія на небесахъ; мѣръ его есть искусство во всѣхъ видахъ; онъ живетъ искусствомъ, гордится онымъ; это его званіе: благодаря

искусству, сочинитель фантазий не испощимъ. Онъ имѣетъ волшебную палочку, доставляющую ему начало, средину и развязку повѣсти. Онъ не долженъ усыплять по вечерамъ Султана, не долженъ опдавать на поруганіе сестеръ, чшобы Шерезада, проснувшись говорила имъ: Расскажи намъ сказочку, сестрица! Онъ рассказикъ, онъ сей великій арписпъ, ибо онъ долженъ замѣнить безнравственность прежнихъ ска-

зокъ новыми красками, звуками и формами. Прежде Наварская Королева представляла воображеніе свое на общее употребленіе, не прикрывая его; нынѣ Гофманъ одѣваетъ и украшаетъ оное съ невинностію опца семейства, соглашающагося на бракъ своего дѣпшца, но не рѣшающійся посрамить его ни подъ какимъ видомъ.

Искусство произвело сію великую перемѣну въ повѣспяхъ, искусство произвело

сей важный переворотъ, сдѣлало его доступнымъ ма-
шерамъ семействъ и дѣ-
шамъ, не заспавляя крас-
нѣшъ оныхъ. Вотъ испин-
ныя благодѣянiя! вотъ не-
оспоримое преимущество.
Послушай Гофмана, онъ о-
спанавливается, поешъ, и-
граешъ, подобно Крейслеру,
онъ предаешся всей окру-
жающей его гармонiи; онъ
оспавляешъ прелесныхъ
Нѣмочекъ, подходишъ къ
Глюку, и у ногъ Глюка цѣ-
луешъ ихъ съ слезами люб-

ви и удивленія. Его - то пы называешь пьяницею, Роландъ? Его - то пы упрекаешь дружескою пирушкою въ пракширѣ? Могъ ли пы думать, что съ помощію споль невиннаго порока, Гофманъ сдѣлается споль великимъ разскащикомъ? Болѣе ли пы вѣришь чаркѣ съ пивомъ, чѣмъ смычку Гофмана? Ты весьма несправедливъ и жестокъ, Роландъ!

Я ни несправедливъ, ни жестокъ, сказалъ Роландъ :

упрекнувъ челоѡѡка въ пьян-
спѡѡ — въ споль маломъ по-
рокѡѡ, среди сполькихъ у-
жасныхъ пороковъ, не зна-
чишь порочишь челоѡѡка!
Нѡѡшь, я не жеспокѡѡ; пред-
спавля одну изъ слабоспей
швоего веселаго разскащи-
ка, я узналъ одну изъ при-
чинъ его силы; случай и ис-
кусшво, еспъ начало его
повѡспей. Мнѡѡ кажется не
свойспвеннымъ искусшву, за-
нимапья пуспыми сказками
и пѡѡмъ поперяпъ шо пер-
венспво, коимъ до сихъ

поръ пользовался. Въ самомъ дѣлѣ, искусство, обращаясь въ повѣсть, не естъ ли презрительно? Вошъ человекъ, дѣлающійся музыкантомъ, живописцемъ, для того, чптобы рассказывать повѣсти просто, не готовясь, не участь и безъ искусства; мнѣ кажется, чпто такъ не возможно любить искусство. Слышалъ ли ты исторію любви молодого Италіанца и Наяды Версальскаго замка? Прекрасная исторія! Я расскажу тебѣ

при первой бурной ночи, сего дня я не въ состояніи сего сдѣлать.

Роландъ, прошу тебя, расскажи мнѣ теперь же сію исторію; давно уже ты мнѣ ничего не рассказывалъ. Роландъ, ты, бывшій споль краснорѣчивымъ, а нынѣ споль молчаливый! для друга, расскажи мнѣ исторію Версальской Наяды; расскажешь ли?

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Роландъ, но съ условіемъ.

«А съ какимъ, Роландъ?»

— Я скажу тебѣ его по-
слѣ повѣспи, оговѣчалъ онъ,
но обѣщайся мнѣ свято
хранишь наше условіе.

«Согласенъ, Роландъ; раз-
скажи теперь же испорію.

— Въ одной Версальской ро-
шондѣ, подъ тысячами кас-
кадовъ, спюшгъ спашуя, не-
знаю чьего произведенія, но
прекрасная и великолѣпная:
эпо Наяда, съ нѣжными чер-
тами, съ невиннымъ лицомъ,
съ бѣлою и гладкою рукою; по-
ложеніе ея споль обворожи-

пельно, что Людовикъ XIV, видя ее, приказывалъ даже рубить ее садовникамъ. Она была окружена неправильными грдами: львами съ разверзспыми паспьми, сиренами съ рыбьими хвостами, Амурами съ распущенными крыльями, Венерами во всѣхъ видахъ, и одна спояла груспина и уныла. Никто не удостоивалъ ее ни взглядомъ, ни улыбкою. Лавальеръ сидѣлъ близь ее и не замѣчалъ ее; Монпеспанъ попиралъ ее ногами; Госпожа

Меншенонъ и Дюбари до нее не касались; ибо это было произведеніе напуральнѣйшее въ мірѣ; это произвелъ какойнибудь двадцатилѣтній арписпъ послѣ первой любовной ссоры.

Въ садахъ Людовика XIV, сполько для насъ памятныхъ, хопя около двѣнадцати революцій произошло съ его кончины, молодой Италіанскій живописецъ гулялъ, презрительно смотря на тяжелые фасады, на деревья, усѣченныя въ видѣ

пирамидъ, на зеленыя воды, на попухшій блескъ разрушившейся Монархіи; онъ все сіе видѣлъ и поржесествовалъ, видя свой вкусъ совершеннѣе вкуса 17 столѣтія; онъ былъ одушевленъ крипикою, но крипикою, обратившеюся въ спраспъ. Онъ поппалъ гирлянды и всѣ бездѣлки, гордился именемъ Ипаліанца, не смотря на свободу, начинавшую свирѣпствовать во Франціи. Однажды случай (подобный тому, по которо-

му на балъ вы замѣчаете одну женщину и помните ее попомъ во всю жизнь) открылъ ему въ сей громадѣ прелестную Няяду, истинно Испаліанскаго произведенія. Несчастная дрожала въ водѣ и шинѣ. Она была прекрасна. Ахъ! глаза и грудь ее были омочены слезами; она согрѣвала прелестныя ножки свои одна о другую; волосы падали по открытымъ плечамъ ея; ей было холодно, ей было такъ неловко; невинный ребе-

нокъ! Вѣрно ее забыли на дорогѣ; сиропка безъ отца и матери, здѣсь безъ поддержки, безъ покрывала, она должна дрожать подъ холодными руками судьбы. Нашъ архиспѣе ея замѣтилъ и робко нагнувшись къ ногамъ ея, попустилъ взоры: онъ оживилъ мраморъ, согрѣлъ ноги ея своимъ горячимъ дыханіемъ; сердце забилося подъ его руками: онъ уважалъ и любилъ сію женщину, она сдѣлалась его собственностію! На зав-

пра, поглощая ее взорами и душею, онъ осмѣлился цѣловать ея руки, и не касаясь до нее, сказасть ей о любви своей; онъ говорилъ, что любитъ ее, ибо ни во снѣ, ни наяву не видалъ ей подобной; онъ тайноспвенно отккрылся ей, сказасть ей прошедшую жизнь свою, свою вспыльчивоспъ, свои пьянспва, плачь свой на развалинахъ Ипаліи, свои тайны, спраданія, любовь, онъ все пересказасть ей! Она же слушала его съ пріятп-

ною, но нечувствительною улыбною; смотрѣла на него съ нѣжнымъ состраданіемъ, послѣдующимъ за любовью. Она вспомнила его буйную, но добродѣтельную жизнь въ молодости; она его любила, но скрывала спраспъ свою, какъ скрываютъ начинающуюся спраспъ; любовь ея была столь же невинна, какъ и душа. Онъ же, видя ее скромность, блаженствовалъ; онъ жилъ съ нею, какъ упоенный, занимаясь разсмаприваніемъ

ея, обожаніемъ, разговоромъ съ нею, слушавъ ее, ибо ему нравился ея голосъ; вопшь чпо она ему говорила : — Ты, опыскавшій меня посреди сихъ низкихъ Нимфъ; пы, извлекшій меня изъ сада, обезчещеннаго беспыдною любовію, скажи мнѣ, какъ испорченнѣй воздухъ мѣспѣ сихъ не оправилъ швоего сердца? — На сей вопросъ молодой дѣвы, онъ опвѣчалъ любовнымъ взглядомъ, взглядомъ споль много значущимъ! Она продол-

жала: Ты, споль молодой,
съ споль горячею кровію,
и съ споль честнымъ серд-
цемъ, какъ ты сохранилъ
чувства, посъянныя въ тебѣ
въ молодости и не успре-
мился подобно другимъ пере-
образовывать міръ и Фран-
цію! Товарищи твои смѣ-
лые и неуспрашимые за-
конодатели, а ты обожае-
мый любовникъ. Другъ мой,
я тебя люблю, и ты щасп-
ливъ; люби меня сполько,
сколько я тебя, сего до-
вольно, дитя мое! Надо по-

ропшсья, шучи сбираюпсья,
буря приближаешсья, громъ
гремишть.

— Взгляни на дворець Лю-
довика XIV, какъ онъ кру-
жишсья въ бурѣ, подобно
желтому осеннему лиспу.
Будемъ любить другъ дру-
га! будемъ любить другъ
друга! — А онъ.... упоенный,
держаль ее въ своихъ объя-
пїяхъ, прижималь къ серд-
цу; онъ забываль, что цѣ-
луешть спашую.

Такъ сіи два любовника
провели щаспливые часы,

свѣжія упра любви и лѣп-
нія ночи. Они въ пишинѣ
любили другъ друга, люби-
лись взглядами, вздохами, вос-
хищеніемъ; но эпо не дол-
го продолжалось; предска-
занія Наяды сбылись, тучи
разразились грозою, загре-
мѣлъ громъ и испугалъ хра-
брѣйшихъ. Послышался на-
родный голосъ, сей громъ
революцій: все было изгна-
но изъ Франціи, старыя за-
коны, старая любовь, ста-
рая поэзія, и все изгнано:
алтари и престола, мо-

лодоспъ и красота; аристокрапія нѣсколькихъ вѣковъ погибла въ четверть часа! Прошедшее искупило гордоспъ и шалоспи, и все это въ одинъ день! Хаосъ былъ хуже хаоса до сотворенія міра, хаосъ только лишь созданныхъ законовъ и власпей. Тогда всѣ чело-вѣческія спраспи обрапились въ одну — въ революцію! Въ сіе время народъ презиралъ бы чело-вѣка, заняшаго своею любовію. Любовь тогда была ничпож-

на. Мой арписпъ видѣлъ ясно всѣ сіи нещасія; но что ему за дѣло до народнаго возпанія, до пролитія крови въ то время, какъ онъ ежедневно наслаждается улыбкою! Что ему дѣлаютъ крики бунтовщиковъ въ то время, какъ онъ ежедневно наслаждается споль прелеснымъ молчаніемъ; онъ одинъ мыслилъ о царствѣ сновъ своихъ, которой никто не хотѣлъ лишитъ его. Она была его повелительница, его богаписво,

слава и радость; она замѣняла ему міръ, чтожь ему до прочихъ? И такъ, онъ ничего не желалъ болѣе, до шѣхъ поръ, пока дорога отъ Версали въ Парижъ была свободна, и онъ могъ видѣть и обнимать свою любезную. Но однажды народъ, хотѣвшій удовлетворить свои страсти въ Версали, народъ, сидя на пушкахъ, требовалъ крови и занималъ дорогу отъ Парижа въ Версаль.

Тогда безпокойство овла-

дѣло моимъ героемъ; эпо
былъ назначенный день
для свиданія съ возлюблен-
ною; наканунѣ, свиданіе ихъ
было ранѣе обыкновеннаго.
И такъ, она уже его ожи-
даетъ; онъ спѣшитъ къ
ней. О удивленіе! о ужасъ!
живая спѣна раздѣляетъ
его съ невѣстою, толпа
~~революцихъ~~ мушкетѣр и жен-
щинъ, армія въ ~~своемъ~~ ~~ранѣе~~
такъ что ядро не могло
бы проникнуть въ оную.
Онъ шихо подвигается съ
народомъ, неперпѣливымъ,

задыхающимся. Народъ спѣшилъ съ оспервененіемъ къ Королевѣ; онъ спѣшилъ съ любовію къ возлюбленной. Спранно было видѣть ненависть и любовь вмѣспѣ шеспвующихъ. Невинная спраспѣ молодого человѣка и низкія спраспи шолпы шеспивовали вмѣспѣ, рука съ рукою, по грязи, ~~к~~ ~~ниже~~ ~~дальнюю~~ ~~дорогу~~! Наконецъ молодой человѣкъ оспановился съ шолпою. Толпа оспановилась у окошекъ дворца, крича: Коро-

леву! Королеву! Королеву!
Онъ же удалился опть кричащей толпы по желтой аллѣе, добрался до своей мраморной любовницы, увидѣль ее дрожащею, успокоилъ на щепъ своего опшспивія, и сказалъ ей: я шебя обожаю, но толпа оспановила меня, и объяснилъ ей, что еспь толпа. Она слушала его содрогаясь и, казалось, говорила ему: какъ ты много спрадалъ! Какъ низки люди, пребовавше Королеву! Онъ прижималъ

ее къ сердцу, и на груди ее слышалъ крики толпы: Королеву! Королеву! Королеву! Крики сіи увеличивались, народъ разбрелся по саду, садъ ожилъ, и наконецъ... ужасный папруль приблизился къ молодому челоѣку, спрашившемуся за свою невѣсту: что ты здѣсь дѣлаешь? спросили они его. Пораженный, дрожащій и смущенный, онъ заслоняетъ собою свою возлюбленную, покрываетъ ея невинную нагошу

своею шинелью, гоповиш-ся умереть за нее и съ нею. Чпо пы здѣсь дѣлаешь? говорятъ они; кпо пы? слѣдуй за нами! должно сражаться и умертвить пирановъ. Онъ вспаешъ, и рѣшишельно взглянувъ на нихъ, видишь опчаянное свое положеніе. Убѣжище его невѣспы было обезчещено, чугунная рѣшешка разломана, спражи умерщвлены, все великолѣпіе разрушено. Она оспалась одна безъ убѣжища, безъ служиселей,

безъ спраспи, безъ друзей,
безъ покровишельспва, какъ
Королева! Она подвергаеш-
ся нескромнымъ взгля-
дамъ мущинъ, ругашель-
спвамъ женщинъ, всеобще-
му посмѣянiю, какъ Коро-
лева! Она глядѣла на него
глазами, омоченными слеза-
ми: другъ мой, не предавай
меня симъ несповымъ, со-
спрадай о сестрѣ своей,
братъ любезный! Онъ по-
нялъ слова ея, ея взгля-
ды, услышалъ молишву
ея, и хопѣлъ доказашь

великосць любви своей, рѣшился перемѣнить день свадьбы на день смерти для своей невѣсты. Прекрасный видъ его и быспрый взглядъ оспановилъ толпу : она ждала въ пишинѣ его повелѣній; сколько спраспи придавали ему грозности!

Дайше мнѣ саблю! сказалъ онъ. Ему повиновались, подали саблю, сразившую можешъ бышь уже нѣсколь-ко головъ; онъ взялъ ее, и обрапясь къ прелеспиному мрамору: Прощай! сказалъ

онъ, проспи меня, возвра-
пись на небо, съ коего ты
низходила, прощай, ангелъ
мой, я не предамъ тебя на-
гою симъ неисповымъ вар-
варамъ, слѣпцамъ, прощай!
прощай! прощай! Онъ раз-
рубилъ голову споль обо-
жаемой ~~женщины~~: нѣжная
шейка опдѣлилась опъ бѣ-
лыхъ плечь, и онъ палъ на
сей неоживленный пруть
обливаясь слезами.

Тогда толпа приняла его
за безумнаго и удалилась,
крича: Королеву! Королеву!

Королеву! Такъ кончился сей вечеръ.

На другой день толпа и любовникъ возвращались вмѣспѣ; они получили желаемое: толпа Королеву, любовникъ любовницу; первая получила Королеву мершвою, а послѣдній мраморъ вѣчно живущій.

Такъ кончилъ Роландъ свою испорію; онъ плакалъ, взоръ его былъ пускль; онъ блѣденъ. Испорія швоя меня сильно пронула, Роландъ!

Что же было съ тобою? сказалъ Роландъ.

Я видѣлъ ужасные сны о семь предметъ; но это было предназначеніе съ выше. Ты пребовалъ, чшобы я разска- залъ сію испорію; вынеси ее подобно мнѣ, она никогда не сдѣлаешъ тебѣ столько боли, сколько я вышерпѣлъ.

Я бы желалъ знать, ош- куда ты знаешь сію испорію и какъ она относится къ нашему имперашурному вечеру? При семъ вопросѣ, Роландъ вскочилъ, шопнулъ

ногою, и схватилъ шляпу и проспъ. Откуда я взялъ сію испорію? вскричалъ онъ. Какъ она относится къ сегодняшнему вечеру? Развѣ вы не видите, государь мой, что это ужаснѣйшая сапира прошивъ вашего опредѣленія, того, что есть фанпазія. Поэпъ, подобный моему Испаліанцу, обожавшему мраморъ, постыдился своей спраспи и не сдѣлаепъ даже спашуи! Онъ не только не употребилъ съ пользою своихъ познаній, но ра-

зобъешъ ее, опасаясь, чптобы другая спрась не обезчестила ее, кромѣ его собственной. Не правда ли, чпто это великій арпись? не правда ли, чпто это величайшая спрась? не повѣсвовашель ли онъ? Вы безчестили поэзію цѣльй нынѣшній вечеръ; вы заставляли искусство ограничиться повѣспями; вы не поняли ни Гомера, ни Гофмана, прощайше!

Роландъ былъ въ худомъ расположеніи духа, коему

сопротивляться было невозможно, должно уступить, уступаю.

Однакожь, еслибъ ты позволилъ, то я могъ бы нѣсколько оправдать себя, Роландъ.

Ни слова о семъ предметѣ; я начиналъ испорію съ условіемъ, и теперь его объявляю:

Ты долженъ попчасъ опустить меня, и не надождать мнѣ своими либераторными спорами, прощай!

Онъ вышелъ, про себя проклиная меня.

Я вспомнилъ о семь спорѣ, просмапривая сіи фанпазіи, копорыя вы будепе чипапъ ; сіи различныя повѣспи были писаны въ щаспливое время. Неудовольспвіе Роланда и мое мнѣніе о фанпазіяхъ, сперва меня оспанавливали; я видѣлъ въ семь названіи и гордоспъ и опасноспъ. Но скоро мои опасенія разсѣялись; я говорилъ: названіе весьма не важно для книги! И всдоминалъ

слова Роланда: подъ пущымъ названіемъ фанпазіи шы можешъ все печашашъ!

Примите же подъ свое покровительство сіи разнообразные опыты; прочтите ихъ съ числою совѣщю; будьте съ сочинителемъ столь же опкровенны, какъ и онъ съ вами; протяните ему руку, какъ и онъ любящимъ его, не зная. Я почту себя весьма щасливымъ, если въ сихъ разбросанныхъ повѣстяхъ вы найдете сходство съ произшествіями и

чувствами вашей молодости, воспоминаніе прошедшихъ удовольствій, слѣды вашихъ желаній, обѣтовъ, любви и страданій.

Жюль - Жанень.

КРЕЙСЛЕРЪ.

Я былъ въ трактиръ Фридриха Великаго, и провелъ въ немъ цѣлую ночь. Какую ночь! какая громкая гармонія посреди густаго облака дыма! Стучатъ бубылками и спаканами, пиво клубится, пробки скачутъ, какъ бы означая тактъ; бочка красуется въ углу какъ барабанъ въ оркестрѣ: прекрасно сыграли,

господа музыканты! Браво, музыкѣ! Такимъ образомъ мы разыграли симфонію пьяныхъ на всѣхъ голосахъ и размѣрахъ. Боже мой! я совершенно разнѣживаюсь въ то время, какъ газъ Шампанскаго медленно движется подобно душѣ изъ подъ памятника; — Геній мой паритъ подобно Генію сѣвернаго Барда; тогда задумчивый, я облакачиваюсь на сполъ, подобно сынамъ Одина, слушающимъ звуки Золовой арфы въ тихую зимнюю ночь. О, Геній! Геній мой скученъ: онъ всюду видитъ печали, даже въ кофейномъ домѣ; шорохъ привидѣній, ряса монаховъ, крепь вдовицы, покрывало невѣ-

сны, ничтожны въ сравненіи съ шѣмъ, что я всякій день вижу! Вы думаете, что я ошъ веселья посѣщаю. пракширъ Фридриха Великаго? Ошибаетесь, я для того хожу туда, что мнѣ скучно. Посмотрите на окружающіе насъ предметы; пустыя бушылки, разбросанныя по полу пробки, блестящіе столы орховаго дерева, подобно волшебному зеркалу; посмотрите на пуспой вершелъ, на поверженныя скамейки, на самопрялку, переспавшую вершѣшья какъ кошъ въ Маѣ мѣсяцѣ; взгляните на кровать съ шелковымъ покрываломъ, подъ коимъ пракширщица свернула въ клубокъ свою спа-

рую кожу, прильпленную къ костямъ, покрытую морщинами и сѣдинами: все это ужаснѣе привидѣній и бездушныхъ труповъ! Видали ли вы гробницу плачевнѣе? Не все ли равно, что человѣческія кости, разбросанныя по кладбищу, или сіи бездушныя бубылки, сіи безгласныя пробки и самопрялки, въ бездѣйствіи, и сія кровась почти пуспая, болѣе нежели пуспая! Ахъ, она была покрыта розами, какъ и ты моя любезная бубылка! ты была полна, подобно мнѣ, ибо я былъ живописцемъ и музыкантомъ въ одно время. Тогда я былъ полонъ красокъ и звуковъ, вылетавшихъ произвольно изъ

головы, сердца и души моей. Я былъ въ восторгѣ ушромъ и вечеромъ. Никакая самопрялка не прещала болѣе, чѣмъ я, во снѣ изрыгая пѣну; я разумью самопрялку, движимую проворною ножкою любезной, маленькою ножкою, закрыпою корошенькою юбкою, голою до подвязки. Гдѣ же ножка женщины, давившая меня? Ахъ, Теодоръ! пы походишь на самопрялку спарухи. Я заплакалъ. Наспуило ушро, и я еще не пьянъ! Теодоръ безъ пользы провелъ ночь. Поэзія очиспила голову его ошъ пріятныхъ винныхъ паровъ. Съ каждымъ спаканомъ я чувствовалъ какъ бы хладная ру-

ка касалась чела моего и очищала главу мою опть опьянѣлости. И вопть я въ печеніи ночи похожу на воздержную Голландку. Ну же, возобновимъ наши занятія: снимите ваши огромные плащи, повѣсьте шляпы ваши на стѣны, можешь быть пуншъ разгонитъ ваше хладнокровіе. Зажемъ пуншъ прубками, вспомнимъ веселую Саламандру съ чашею въ рукахъ, пусть духи огня разгоняютъ нашу меланхолію. Огонь непримиримый врагъ мрака, огонь разрѣшаетъ хаосъ, огонь возвращаетъ природѣ поперянный блескъ. Все идетъ прекрасно: пуншъ горитъ, веселые духи наполняютъ наши кубки.

Взгляните, посреди сего пылающаго океана, богиня съ улыбкою наливаетъ намъ напитокъ; нектаръ спруится съ волосъ по прекрасной груди ея. Я поспавлю кубокъ свой подъ лѣвую грудь ея, она обильнѣе правой: скорѣе наполнится мой кубокъ.

Я пользуюсь всѣми произше-спвіями, въ коихъ есть шумъ и краска. По моему мнѣнію всѣ кухонные приборы составляютъ полный оркестръ; чаша съ пуншемъ, подобно камеръ-обскуръ, предсавляетъ намъ радужныя явленія. Когда пуншъ загорается, то я закрываю глаза и въ правомъ осавляю только малую щель, облакачиваюсь о спѣ-

ну, и смотрю на прелестную каршину моихъ пьющихъ поварихей. Спранныя лица: маленькая головка, большой носъ, прясуціяся губы, достойныя цѣловальниковъ. Пріятно смотрѣть на сихъ добрыхъ людей, пресмыкающихся около спѣвъ, подобно осужденнымъ въ чистилищѣ. Пляшуте около спѣвъ, веселые поварихи; это есть воля главы вашей — пунша, воздушнаго пунша, бога моей Мифологіи. Шекспиръ, великій Шекспиръ имѣлъ, подобно мнѣ, своего бога. Пуншъ и Пюкъ въ *le Songe d'une nuit d'été* весьма сходны. Вилъ часто похищаетъ у меня боговъ моихъ; онъ лишилъ меня Фальспафа,

Возврати мнѣ моего стараго Виля, отдай мнѣ твоего Фальсшафа, я хочу выучить его играть на скрипкѣ или на флейтѣ. Обученіе Жона Фальсшафа будетъ тебѣ стоить пяпи бутылкокъ бѣлаго и краснаго вина, и полъ-бутылки рому въ недѣлю. Съ этимъ условіемъ я сдѣлаю изъ него совершеннаго арписта. Жаль оставитъ его не образованнымъ. Не изгнашь изъ него привычки къ пьянству! Онъ былъ бы отличнымъ поэтомъ, если бы хотя немного учили его искусствамъ! Нѣтъ, великій Виль, не довольствуйся похищеніемъ у меня Фальсшафа, ты мнѣ его еще испортишь.

И такъ, вы видите, смерш-ные, что я имѣлъ весь міръ подъ рукою, а въ рукѣ микроскопъ, и такимъ образомъ проводилъ время въ кофейняхъ, не бывъ пьянымъ. Кофейни и ночи мнѣ весьма нравились. Я въ кофейнѣ какъ дома: это мое Королевство, моя кафедра, мой алтарь. Какой поэтъ предпочтетъ день ночи; что значишь солнце предъ столь полезнымъ мракомъ, смягчающимъ всѣ общошпельства, покрывающимъ все благовоиѣмъ и покоемъ, оспанавливающимъ смященія, заспавляющимъ соловья пѣшь лѣпомъ, а сверчка зимою? И такъ, я люблю кофейни и ночь.

Такъ размышлялъ я тайно, борясь съ совѣстію и вспоминая совѣты Княгини Амаліи. Вы много пьете, Теодоръ! Вы меня огорчаете. Общайтесь мнѣ не выходя изъ дома сего дня вечеромъ. Я же успокаивалъ себя, говоря: Княгиня не узнаетъ.

Я уже усналъ, смотря на движущіяся по стѣнѣ картины, какъ замѣтилъ между сими грубыми лицами, лице пріятное и любезное: съ поникшею главою, въ задумчивости, съ распрепанными волосами и миною, возбуждившею мою любовь и вниманіе. Я былъ въ восхищеніи, когда узналъ въ ономъ собственное изображеніе.

Долго наслаждался бы я онымъ,

еслибъ пламя пунша не погасло. Все разрушилось, и вмѣсто сей движущейся карпины, я увидѣлъ синеватую и блѣдную спѣну, какъ лице клеветника, вызываемаго на поединокъ честнымъ человекомъ.

Наступило утро, покрытое золотымъ покрываломъ. Я успѣлся и вышелъ изъ кофейни. Все кружилось въ глазахъ моихъ. Дома проходили по очереди: дворецъ, хижина и Королевскій садъ съ позлащенною рѣшеткою, великолѣпными спануями и неугомонными лебедями, плавающими въ огромныхъ бассейнахъ; садъ блѣднаго подлѣ кварширы его въ пашомъ эпажѣ, красная рыбка въ спеклянномъ бокалѣ,

между горшками ранункуловъ и просныхъ фіалокъ, все проходило предо мною. Гошпипаль, проходя, почтительно здоровался; дерзкая пюрьма прошла мимо, гордясь населеніемъ, увеличившимся съ свободою. Прошелъ гордый соборъ, поддерживая слабыми руками падающій куполь; домъ кокешки съ полуопшпершою дверью и въ мершвомъ молчаніи. Такъ прошелъ весь городъ. Наконецъ возшло солнце съ востока; подобно пѣни въ одной изъ карпинъ Микель Анжело, явилась Княгиня Елена, цвѣтущая и блестящая, какъ ушрениа роса. Я покраснѣлъ, и шолько лишь замѣшилъ, что на-

хожусь у двери кофейни подъ вѣвѣскою Фридриха Великаго : видно домъ мой не проходишь еще мимо.

Замѣтя мою недвижимость, она подала мнѣ знакъ.

Здравспвуйше , вѣрный мой Теодоръ ! Скромный Теодоръ, проснулся чѣмъ свѣшъ и явился поклониться солнцу. Я вамъ очень благодарна за то, что сдержали данное мнѣ слово ; вы совершенный философъ ; изъ благодарности позволяю вамъ за мною слѣдовать.

Я провожалъ Княгиню, прелестную, молодую, блиспапельную, называвшую меня своимъ Теодоромъ. Я не вѣрилъ, что она

женщина; я никогда не касался ни до ея одежды, ни до успъ ея, ни до слѣдовъ шаговъ ея; она не осшавляешъ оныхъ; она не дышешъ, не испускаешъ запахъ, подобный запаху цвѣшовъ; я не видалъ цвѣша волосъ ея; взоръ ея прелестнаго небснаго цвѣша; одежда ея неизъяснима, она ее обвиваетъ, цѣлуешъ, волнуется около нее, низпадаетъ, и ложится прелесными фигурами, что бы ей правиться; одежда одушевлена, она же безжизненна; платье ея движется, покрывало улыбаешся, перчашка рисуешся, плашочекъ волнуешся, башмаки ходящъ. Боже! какъ я былъ заспѣнчивъ съ симъ ангеломъ.

Угадайте, куда привела она меня! къ спарому моему товарищу, музыканту Крейслеру; мы въ одно время съ Крейслеромъ обучались гармоніи; онъ еще молодой человѣкъ, а я, послѣ его родившійся, уже спарикъ. Много спорили о томъ, кто гениальнѣе, я или Крейслеръ; я живѣе и скорѣе одушевляюсь, нежели Крейслеръ, я блистательнѣе и шупливѣе, я народнѣе; но Крейслеръ пѣвецъ идеальнаго міра, юности и женщинъ, онъ въ преспіемъ небѣ, онъ паритъ душою споль далеко, сколько она можетъ вынести, не заботясь объ оной; онъ сопровождаетъ ее отдаленными;

неопредѣленными звуками; музыка его очаровываетъ; здѣшній міръ для него ничтоженъ, — я же принадлежу здѣшнему міру.

Крейслеръ прекраснѣе меня; лице его одушевлено; онъ поэтъ; голосъ его плавленъ и искусственъ — я же предъ нимъ играю роль буффа.

Долго слушала его Княгиня съ восхищеніемъ и слезами. Онъ опьянно поетъ. Она спояла предъ нимъ; но онъ не видалъ ее, не видалъ Елены, своей богини, своей Музы, . . . пой, . . . для кой онъ пѣлъ, пой, копорую онъ видѣлъ сквозь свѣтлое облако мелодій; пой, копорая

стояла предъ нимъ и копорой онъ не замѣчалъ.

Елена цѣлый часъ внимала и удивлялась ему. Наконецъ она удалилась, распироганная, умиленная, какъ бы вышедшая изъ священища; шупъ въ первый разъ почувствовалъ я ревность. Должно было заслужить болѣе, чѣмъ любовь Елены — ее уваженіе. Елена, опойдя опъ Крейсера, говорила со мною прежнимъ веселымъ тономъ; шакъ мало она меня уважала! Бѣдный человекъ, чѣмъ бы ты бышь могъ, если бы шолько захошѣлъ? Да, ты могъ бышь великимъ мечшашелемъ, блишашель-

НЫМЪ ПОЭПОМЪ, ПѢВЦОМЪ, ВДОХНОВЕННЫМЪ НЕБОМЪ, ЦВѢПАМИ, ЛЮБОВІЮ, но ты не хопѣлъ. Теодоръ, Теодоръ, ты предался развращу, вступилъ въ низкія общества, испорпилъ вкусъ свой, ты былъ площаднымъ шупомъ... бѣдный человекъ!

Пресмыкайся, Теодоръ!

Тогда я со слезами сказалъ : Ахъ, сударыня, какъ вы меня мучите; не осуждайте Создателя, давшего искусство то, въ чемъ онъ не отказалъ Александру — своего Діогена. Я Діогенъ - артистъ, какъ тотъ былъ Діогенъ - гражданинъ. Сердце и головы наши были переполнены. Сіе излишество должно было

опбросить; онъ лишился онаго въ распушствѣ, я же въ пьянствѣ.

Сіе излишество генія должно было внезапно опбросить, иначе мы бы погибли. Не говорите мнѣ ни объ невинныхъ геніяхъ, ни о невинныхъ красавицахъ; никогда не заключу я сію прелестную шалю между чепырехъ киповыхъ косшей; никогда не надѣну на нее корсета; я все еще вашъ Теодоръ, хопя вы меня жестоко обидѣли.

Народъ уже бродилъ по улицамъ; а посему молодая Княгиня вошла въ свой дворецъ, или лучше сказать, исчезла въ небѣ. И теперь она на небѣ, упра-

вляешь нашими мыслями. Я же
оспался одинъ съ моимъ горемъ;
и странно! съ наступленіемъ
ночи я снова пошелъ въ люби-
мую свою кофейню, и сѣлъ у печ-
ки въ большія хозяйскія кресла,
какъ бы проснувшись опъ глу-
бокаго сна.

СМЕРТЬ ДУАЕНА.

На прошедшей недѣль умеръ въ своемъ театрѣ, между Греческимъ дворцомъ и Римскимъ мѣсомъ, послѣдній и единствен- ный покровитель Французской драматургіи. Въ первый разъ еще онъ умеръ, спокойно, не пораженный ни ядомъ, ни кин- жаломъ, и не сопровожден- ный ни однимъ рукоплеска- ніемъ; добрый человекъ! Прав-

да, онъ былъ оплакиваемъ друзьями и семействомъ; но слезы родственниковъ не столь обильны, какъ слезы, сопровождающія смерть Оросмана или Цесаря; ибо горестъ осушаетъ ихъ! Единственное утѣшеніе, которое мы имѣемъ въ сей поперѣ, есть то, что смерть его была пиха, и что, благодаря сей во-все не поэтической тишинѣ, Дуаецъ не чувствовалъ своей смерти.

Тщешно будете вы искать въ біографіяхъ драматическаго искусства; тщешно будете вы воспѣвать хвалы вельможамъ, покровителямъ сего искусства, нынѣ разрушившагося; вы никогда

не найдете споль ревностнаго къ славѣ актера, и споль безкорыстнаго покровителя искусства, какъ Дуаена, въ печеніи его долгой и двойственнѣй жизни. Онъ владѣлъ необыкновенною памяшью, и строгою, но снисходительною кришикою; уважалъ творенія великихъ писателей, и питалъ неописанную спрасть къ театру; театръ составлялъ его жизнь и славу. Презирая свѣтъ, раздираемый мятежами, Дуаенъ любилъ ходить большими шагами по сценѣ, любилъ драматическую гармонію, кровавыя зрѣлища и несчастную любовь, хищрыя рѣчи, искусственное мщеніе. Онъ былъ бо-

гомъ , царемъ и привратникомъ
своего особеннаго міра, папрі-
архомъ своей секшы; восхищал-
ся куреніями, сожигаемыми на
пресполь древней прагедіи; спю-
ялъ у входа въ свящилищѣ и
впускалъ избранныхъ сею секшою.
Жизнь его дышала поэзією, кро-
вію, слезами; онъ былъ окруженъ
кинжалами и ядомъ; присущство-
валъ на признахъ, на коихъ о-
тець съѣдалъ сына, въ кругу
гробовъ и говорящихъ привѣдѣ-
ній; среди развратиселей под-
лецовъ и испорическихъ убійць,
ушѣшалъ королей, лишенныхъ
пресполовъ, женъ — покинутыхъ
мужьями, маперей — оспавленныхъ
дѣпищами, — расперзанныхъ лю-

бовницъ, покрытыхъ черными покрывалами: такова была жизнь Дуаена. Шестидесятьлѣтъ жилъ онъ между сими развалинами. Погибшій Іліонъ, горящія Афины, разрушенный Римъ, возрождающаяся Галлія, соспавляли его географію; въ нихъ жилъ онъ, въ нихъ и умеръ. При жизни своей онъ не видалъ ни свѣжихъ полей Медоны, ни смѣющихся видовъ Фоншенбло, ни быспропечныхъ Сен-Клудскихъ каскадовъ. Сень-Клу, Фоншенбло, Медона суть вчерашнія только развалины! Спросите его о статуѣ Помпея, о Филиппскихъ поляхъ, о развалинахъ пирамидъ: онъ знаетъ только ихъ и развалины Оивъ и Мем-

фиса; онъ успунпшъ всѣ Европѣйскія династїи, за безконечную династїю Агамемнона; онъ былъ свидѣтелемъ престѣчнїа оной!

Обольщенїе всю жизнь владѣло имъ; онъ жилъ, дѣйствоваль въ безконечной испорїи, исполненной чувствительности, и удовольствїей. Ибо онъ жилъ въ кругу преступленїй, мятежей и убїйствъ, и былъ щасливѣйшимъ смертнымъ.

Онъ родился архиспомъ. Сперва онъ былъ живописцемъ и декораторомъ. Въ его время, мода золопила дома снаружи, у дверей ставила Карїатида, на пошолкахъ рисовала амуровъ, увиwала людей розовыми гирляндами.

Искусство его приносило ему много прибыли; но скоро великолѣпные храмы, карпины и золоты вышли изъ моды. Во Франціи блескъ сдѣлался благороднѣе. Дуаенъ погибъ бы, еслибъ не былъ великимъ архиспомъ. Истинный архиспъ никогда не шеряетъ подпоры, копорой требовалъ Архимедъ, чшобы поддержашъ мѣръ. Жилища людей отвергають Дуаена, но онъ украшаетъ храмы боговъ, и дворцы царей. Но въ то время боги и Цари не пользовались уваженіемъ. Церкви и дворцы были пусты. Нашъ декораторъ лишился храмовъ и дворцевъ — и завладѣлъ театромъ, еще пропивившимся

общей модѣ. Древніе дворцы, языческіе храмы, священные лѣса выходили изъ подъ кисти Дуаена; занавѣсъ представлялъ берега, описанные Гомеромъ; явилась палатка Ахилеса, алтарь Ифигеніи, облако Юпитера, огненное жилище Плутона: небо, земля, адъ сославили владѣнія нашего артиста. Что ему за дѣло до мяшежей, до безпорядковъ? Онъ не удосаживаетъ ихъ своимъ взглядомъ посреди сей природы имъ созданной, онъ щасливѣйшій смертный!

И такъ, влекомый своимъ гениемъ, онъ спроелъ воздушные замки; его природа была прелестнѣе обыкновенной. Онъ укра-

силъ владѣнія свои всѣми возможными красками; облагородилъ, обогатилъ, сдѣлалъ идеальною свою природу; окрасилъ небо, моря, горы, и кончивъ все, сѣлъ на возвышенный холмъ; взглянулъ, и увидѣлъ молчаливые берега, пустынные замки, свѣтлое небо, и грусть объяла его, ибо недоспавало еще человѣка; Дуаень видѣлъ, что въ его театръ недоспавало драмы и актера.

Но грусть его была мгновенна.

Революція и несчастныя ея послѣдствія бросили его въ идеальное. Онъ долженъ былъ украшать театръ, не имѣя возможности украшать храмовъ; театръ его конченъ; не думайте, что онъ

останешся пустымъ, какъ надгробный памятникъ, воздвигнутый по усопшемъ: успокойтесь, театръ Дуаена скоро наполнится, эхо раздастся и природа прольетъ слезы. Театръ построенъ наканунѣ, на завтра Дуаенъ сдѣлается актеромъ.

Тогда по родилась въ немъ страсть къ драматическому искусству, къ которому въ началѣ онъ не показывалъ способности. Скоро выучился нашъ актеръ. Правда, онъ жилъ въ блистательное время Французской драматургіи: Лекинъ еще здравствовалъ, Ларива встрѣчали съ восхищеніемъ, пяши - акшныя трагедіи были еще въ модѣ; освистанный по-

эпъ пользовался большею славою, чѣмъ въ наше время пользуешься торжествующій. Дуаенъ не ослабѣвалъ, будучи еще неизвѣстнымъ, онъ боролся съ Французскимъ театромъ, и по испеченіи сорока лѣтъ оспался побѣдидишелемъ.

Дуаенъ, какъ актеръ, декораторъ и поэтъ, опличался прудолоубіемъ. Устроивая свой театръ, онъ видѣлъ разладицу въ драматическомъ искусствѣ. Не смотря на наружный блескъ Французскаго театра, онъ видѣлъ, что сей цвѣтущій снаружи плодъ поврежденъ внутри червями. Лашосе вводилъ проспо народную драму, Мариво

покрывалъ блеснками плапья и языкъ Мольеровыхъ Маркизовъ; прагическая декламація погибала, машины замѣнили монологіи, костюръ явился въ Малабарской вдовѣ, декламація опвергалась нововводишелями, не взиравшими на мнѣнія Волпера и на опроверженія его, писанныя изъ Фернея, и утверждавшими, что прагическій спихъ не должно декламировать.

Опъ того-шо палъ Тальма!

Тальма! Дуаенъ не могъ слышать его имени. Дуаенъ создалъ всѣхъ актеровъ, но предпочиналъ Тальму. Дуаенъ создалъ Тальму. Онъ ввелъ его въ свой театръ, одѣлъ его въ свое Рим-

ское плашье, показаль ему силу произнесенныхъ спиховъ. Тальма былъ любимѣйшій ученикъ его, слава его жизни и театра. Но, Тальма измѣнилъ ему; Тальма забылъ, неблагодарный геній! театръ Трансноренской улицы, и добраго наспавника своего, Дуаена; Тальма пересталъ декламировать спихи, забылъ величественные жесты, унижилъ трагическую сцѣну; Тальма говорилъ, ходилъ, садился, входилъ и уходилъ какъ простой смертный. Онъ забылъ всѣ наспавленія своего учителя. Какая жалость, великій Боже! споль прелестный, но не совершенный и испорченный палантъ,

сколько сожалѣній вырвалъ изъ груди Дуаена!

Площадная и разговорная игра Тальмы оправляла жизнь Дуаена. Однако онъ не унывалъ, еще двяшельнѣе содѣйствовавъ великому своему искусству; онъ неослабно наблюдалъ за священнымъ огнемъ, однимъ имъ поддерживаемомъ. Онъ всюду искалъ учениковъ; показывалъ всякому пешпръ свой и заставлялъ входить въ оный, не обращая вниманія на соспоянiя, лишь бы они соглашались носить Римскiя поки; онъ оставался довольнымъ. Предсхавъше себѣ радость его, когда послѣ нѣсколькихъ щещныхъ поисковъ онъ открывалъ

честнаго мясника, рябаго цирюльника, плечистаго сапожника или церковнаго пѣвчаго съ сильнымъ голосомъ, соглашающихся поступишь въ шею ея. — Здравствуй, Ахилесъ; здравствуй, мудрый Неспоръ; мое почтеніе Агамемнону царю царей, — такъ говаривалъ онъ. Съ особеннымъ тщаніемъ искалъ онъ Ифигеніи подъ круглымъ чепцомъ прачки, Рокселаны въ лицѣ какой нибудь горничной; а ты, Родогунда, великая кровавая фурія, сколько разъ вызывалъ онъ себя изъ своей ложи, опшоргалъ себя опъ романовъ, и замѣнялъ веревочку опъ двери въ рукахъ своихъ кубкомъ яда! Сколько

прагическихъ талантовъ открылъ онъ такимъ образомъ. Сколько великихъ душъ оспались бы въ неизвѣстности безъ Дуаена! Сколько спраши вывелъ онъ въ свѣтъ изъ кофеенъ, прачешенъ, лакейскихъ и изъ мясническихъ лавокъ!

Но сколько трудовъ эпо ему стоило! Каково должно было быть его легкое! Не давши времени Ахилесу и Ифигеніи посо-вѣщываться, онъ потчасъ спановилъ ихъ на сцену, училъ ихъ любви, показывалъ имъ силу гласныхъ и согласныхъ буквъ, переходилъ отъ ничтожнѣйшаго грамматическаго правила къ сильнѣйшимъ движеніямъ спраши.

Дѣйствуй, кшо бы ты ни былъ, ты ученикъ Дуаена, ты его собственность, добыча, слава, онъ пустилъ тебя вооруженнымъ въ мѣръ арπισповъ; кшо бы ты ни былъ, если хочешь прославишься, будь шерпѣливъ, шрудолюбивъ, учи наизусть и надѣйся!

Такимъ образомъ создалъ онъ нѣсколько великихъ комиковъ изъ людей, неумѣвшихъ чипаапъ. Дуаенъ былъ для своихъ акшеровъ шѣмъ, чѣмъ былъ Гамлетъ для своихъ. Но Гамлетъ въ душѣ былъ злой насмѣшникъ: онъ смѣялся надъ благороднымъ опцемъ, *расторгающимъ* *страсть* *какъ* *старос* *бѣлье*; смѣялся надъ Княгинею, коей шаланшъ *увели-*

чился вышнюю скачка блохи ;
Гамлепъ измѣнилъ искусству и
арпису. Дуаенъ напрошивъ ис-
кренно вѣрилъ искусству и ар-
пису, ни надъ кѣмъ не смѣля-
ся, ни кого не приводилъ въ за-
мѣшательство; онъ былъ добръ
и щедръ.

Начинайте, говорилъ онъ : вы,
молодой человекъ, идите, не гни-
те ногъ, поднимите голову, воз-
высьте голосъ, опкройте глаза!
А вы, моя принцесса, грудь впе-
редъ, держите кругле руку, на-
гните голову. Такъ онъ говари-
валъ. Дуаенъ училъ ихъ всему :
и голубиному воркованію, и нѣж-
носпямъ, и благороднымъ же-
спамъ, и нѣжнымъ улыбкамъ.

Онъ одинъ училъ великому и прекрасному: Консерваторія и профессоры были напрасны; не опнимаю доспоинспва у нашихъ великихъ учипселей, нужно признапьяся, что Дуаень сдѣлалъ одинъ шоже, что они всѣ для драматическаго испуспва. Взгляните на трагедію въ Парижѣ, или въ провинціи, шествующую мѣрными шагами, спарающуюся казашья прелестною, шихою и мудрою, сію древнюю трагедію воркующую, жеманющуюся; не думаете ли вы, что ее произвела Консерваторія?

Гамлетъ, уча своихъ акперовъ, декламируетъ, и оспановьясь въ монологъ, спрашиваетъ у сфле-

ра конецъ стиха, *начинающагося Пиромъ*; потомъ, сказавъ всѣ стихи, которые онъ знаетъ наизусть, онъ останавливается, улыбаясь и говоритъ актерамъ: милости просимъ, господа въ Ельзенеръ.

Но Дуаенъ поступалъ иначе. Послѣ урока онъ всѣмъ былъ доступенъ: всякій могъ подойти къ нему и говорить съ нимъ; онъ былъ любезенъ и добръ. Когда ученики дѣлали какіе либо блистательные успѣхи, то онъ игривалъ съ ними, спарался имъ нравиться, кто же, онъ самъ Дуаенъ, въ великолѣпномъ костюмѣ, покрытый маншіею Августа или каскою Брута!

День сей щипался поржественнымъ. Театръ выметали, освѣщали. Съ утра каждый актеръ забопился о своемъ костюмѣ. Сколько золопой бумаги и газу было испрачено! Прелесный хаосъ. Разговаривающъ, ищущъ другъ друга, говорящъ другъ другу *ты*, какъ бы забывъ, что представленіе еще не началось; занимающъ взаимно румяна, парики. Женни нарумянена, Агрипина красна оиъ природы, у Брипаникуса нѣтъ сандалій; каждый изъ сихъ молодыхъ шаланшовъ, надеждъ театра, имѣетъ какую нибудь нужду! Дуаентъ, все предвидитъ, онъ всюду: опворяетъ двери, поправляетъ лю-

спру, ставитъ декорацію, одѣвается, одѣваетъ другихъ, все опшнимаетъ опъ себя, чшобы дашь другому; опдаешъ приказанія, занимаешся посторонними дѣлами, справляешся, гошовъ ли громъ, хороша ли будешъ молнія, будешъ ли похожа пѣнь Ниніаса, письмо Аменанды довольно ли желшо и писано древнимили буквами; онъ не забываетъ и суфлера, споль необходимаго, ибо присуствіе публики весьма мѣшаетъ актерамъ.

Сбираются зрители: спуденшы, молодые люди, мѣщане, не избалованные удовольствіями; купцы, опспавные военные, нещасные женщины; вся сія особен-

ная природа съ нѣжными сердца-
цами, праздными умами, любя-
щіе прагедію, бѣгутъ въ театрѣ
Дуаена; толкаются, давятъ другъ
друга, впередъ уже восхищаюп-
ся! О щасливые чувства мо-
лодежи! О прагическое удоволь-
ствіе! Спранное ожиданіе раз-
вязки! О страсти! О щастіе
драмы! Прелестъ рифмъ! О не-
винныя удовольствія опцевъ на-
шихъ, опвергнушыя нашими не-
щасными временами, васъ ни
гдѣ не увидишь кромѣ Дуаена!
Когда Дуаенъ кончалъ, когда
декламируя, усмиряя паршеръ,
поправляя лампу и подсказы-
вая роли ученикамъ, доходилъ до
пяшаго дѣйствія своей драмы,

тогда радость его была неизъяснима, ни что не могло сравниться съ его славою! Онъ говорилъ со сцены какъ бы съ неба. Онъ умиралъ подъ единодушными рукоплесканіями; снова вставалъ, и улыбаясь какъ Гамлетъ, онъ говаривалъ какъ и онъ:

Милости просимъ, господа въ Ельзенеръ.

Ельзенеръ есть театръ Дуаена въ Трансненской улицѣ. Но ахъ! онъ уже не существуетъ, сей искренній и спраспный мужъ; нѣтъ уже того, который наполнялъ трагическую пруппу, съ нимъ исчезла прагедія, съ его смертію перестали учиться великихъ писателей! Со смерти

Дуаена, послѣдній камень храма Мельпомены упалъ, кинжалъ выпалъ изъ слабыхъ рукъ ея, обувь спала съ ногъ ея. Плачьте всѣ любящiе трагедiю, благородныя спраши, спихи! Мы спали съ высоты трагедiи въ комическую оперу, водевиль; изъ Французскаго театра (Théâtre Français) въ Гимназiйской (du Gymnase); мы можемъ еще болѣе унизиться.

Я говорилъ, что Дуаснъ былъ щасливѣйшiй человекъ въ мiрѣ и до сихъ поръ ушверждаю сiе. Однако же и онъ имѣлъ непрiятности, неизбежныя для славнаго артиста: прежде смерти онъ предчувствовалъ паденiе искусства, но никогда не предпола-

галь разспройсва, въ который мы вверглись. Проза замѣнила стихи, лахмошья—золотыя и шитыя плашья, грубые голоса — шонкѣ, красныя шапки замѣнили Греческія каски; явились привидѣнія, убійсва, мертвецы, чудовища, дикія звѣри; Робеспіеръ шесповалъ по сценѣ, созданной для Королей и героевъ; все сіе убивало нашего бѣднаго арписша, и лишало его возможности пережить спокойно сіи перемѣны.

Онъ во время умеръ, бѣдный человекъ! Онъ умеръ съ искусствомъ, соспавлявшимъ его славу, съ трагедіею сшоль для него драгоценною; они оба

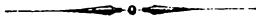
покинуты въ гробахъ своихъ. Неблагодарные ученики - актеры, не хошя, проводили они на вѣчное жилище общаго своего покровителя и друга. Они забыли его жертвы! Съ маленькимъ сосполянѣемъ Дуаенъ поступалъ съ искусствомъ какъ важный вельможа. Ни что ему не мѣшало: щасливый, гражданинъ, онъ могъ имѣть залу покойную, удаленную отъ шума спальню; но у него не было ни залы, ни спальни, у него былъ театръ. Онъ могъ развѣсить по сцѣнамъ отличныя картины, смѣющіеся пейзажи, хорошія гравюры, но у него были декорации для театра. вмѣсто того, чтобы ид-

ши на поле подышають чистымъ воздухомъ, взглянушь на игру солнца, — онъ гулялъ подъ тѣнію деревъ своего театра. Всякой мѣщанинъ имѣеть въ Парижѣ мягкія креслы для отдыха днемъ, пуховую постель для отдыха ночью, бумажный колпакъ, чтобы покрывать голову, халатъ, пуфли, лампу вѣчно свѣпящуюся, однимъ словомъ необходимѣйшія вещи, но Дуасень не имѣлъ оныхъ.

Дуасень пожертвовалъ искусству всѣми своими удовольствіями. Креслы его были театральныя, чернаго дерева и весьма жесткія; на кровати его часто спала Юлія и умиралъ Митридашь. Гомерова лампа освѣщала

его, хламида замѣняла ему шлаф-рокъ; вмѣсто шуфлей онъ носилъ хладныя и драматическія сандаліи. Театръ всюду его преслѣдовалъ, даже въ его домашней жизни; трагедія видна была въ его радостяхъ. За споломъ въ кругу друзей и дѣпей своихъ, кинжалы служили ножами, вино пили изъ кубка душегубца. Никогда спросишь къ драмѣ такъ далеко не простиралась. Я увѣренъ, что онъ носилъ рубашки безъ рукавовъ, какъ Римлянинъ, долженствующій бытъ всегда съ обнаженными руками; когда онъ покупалъ одѣяла, то требовалъ, чтобы оно непременно кончалось широкою красною каймою,

дабы въ случаѣ нужды могло служить вмѣсто царской мантии. Смерть Дуаена не произвела въ свѣтъ вліянія, котораго должно было ожидать. Драмагическіе актеры должны бы были надѣть прауръ въ сей день, Французской Театръ долженъ бы закрыться, но что-жь дѣлать? Мы не только что неблагодарны, но даже не умѣемъ ничего предвидѣть!

Ж Е Н Н И :

Ц В Ъ Т О Ч Н И Ц А .

Исторія Женни вздорна и спранны; она была въ сословіи, которое мнѣ прудно будетъ объяснить вамъ, сударыни! Но такъ какъ Женни была добра и добродѣтельна, то и она должна имѣть свою біографію, занимающую хотя одну спраничку въ нашемъ собраніи жизнеописаній арпистовъ. Женни была весьма полезна искусству!

Я называю ее Женни цвѣточницейю попому, что она приходила въ Парижъ продавать розы и фіалки, блѣдныя какъ и она, — блѣдный ребенокъ! Въ Парижѣ въ двухъ или трехъ мѣсяцахъ только можно выгодно сбывать цвѣты: въ театръ, и для вечеровъ; когда газъ блестящъ, богатыя и разодѣтыя женщины въ бриліансахъ и кружевахъ лепящъ на балы, не дурно имѣть магазинъ розъ и фіалокъ: сбытъ оныхъ вѣренъ. Но Женни пришедъ въ Парижъ, нигдѣ не могла продать цвѣтовъ своихъ какъ на мосту Искусствъ (Arts); увядшіе цвѣты годятся только гризеткамъ! И такъ

Женни не могла ожидать выгодной торговли; Женни спрадала подъ игомъ бѣдности и слезъ. Хопя ее весьма любили въ кругу, гдѣ она продавала грустные цвѣшны свои, но все она была въ бѣдности. Спарички подшучивали надъ Женни, говорили съ нею двусмысленно: но площадныя ихъ шушки были слишкомъ грубы, и бѣдная дѣвушка каждый день менѣе и менѣе продавала цвѣповъ своихъ. Ей необходимо нужно было, во что бы то ни спало, избавишься опъ своего нещаспїя; я говорю, во что бы то ни спало — и ошибаюсь: она всемъ бы пожертвовала, кромъ невинности. Бѣдная Жен-

ни! Не бойся, милая цвѣточница, ешь для тебя невинное занятіе, не смотря на молодость и красоту твою; твое свѣжее лице, гибкія руки, стройная шалія и прелестная ножка, дающая прелестную форму дурному башмаку твоему, спасуть тебя.

Приди въ мою мастерскую, прелестная Женни, приди, спань въ нѣкопоромъ разстояніи. Не опасайся даже моего дыханія. Спань подъ сей солнечный лучъ, обертывающій тебя своею невинною бѣлизною! Будь молчалива и спокойна; позволь мнѣ придашь тебѣ искусства и поэзіи, ты будешь моимъ сегодняшнимъ идоломъ! Прелестныя кра-

ски лептаюшъ уже по швоимъ
лохмопьямъ; прелесное поло-
женіе, восхищительные призраки
моего пупешеснвія по Италіи!
Останься, Женни, подъ моею ки-
спію, на моемъ холстѣ, въ ду-
шѣ, во взглядѣ моемъ, сколько
преобразую я тебя! Ты будешь
предметомъ обожанія и покло-
ненія людей: прелесною дѣви-
цею, и молодые люди будутъ по-
бою бредить и писать тебѣ
стихи. Будь важнѣе, подыми
брови, улыбайся! Я сдѣлаю те-
бя Королевою или женою вель-
можи; облокоти голову швою на
руку; нѣжно улыбайся мнѣ въ
продолженіе часа; если ты мо-
жешь представить поэтическое

положеніе размышляющей дѣвы, я сдѣлаю изъ тебя болѣе, нежели невинностью, я сдѣлаю тебя любовницею. Рафаэля или Рубенса, — бѣдная дѣвушка, я дѣлаю тебя болѣе нежели Королевскою любовницею!

Женни, неиспощимая Женни! приди, вдохновеніе меня объемлеть и давить! лихорадка искусства въ моихъ жилахъ; палибра моя покрыта красками; щетка у ногъ моихъ какъ охотничья собака; приди, уже время, Женни! И Женни приходишь, покорная, какъ воображеніе, готовая на все невинное и поэтическое въ искусствѣ. Ну, Женни, спановись, я хочу писать пре-

красную Греческую дѣву, подобно шѣмъ, копорыхъ видѣлъ Аппеллесъ въ то время, какъ онѣ приносили жершвы Венерѣ. Ты прекрасна, моя милая Гречанка, спирога красавица, обворожительная Афинянка! Но если я хочу переѣнишь красоту твою? Сдѣлайся Римлянкою времянь Императоровъ или Ювенала, — и она повинуется. Женни, выйди изъ за спола, слушай пѣвѣе пьяныхъ, прочпи мнѣ оду Горація къ Глаѳирѣ, къ Нарѣ, будь прекрасна и богата, лягъ на носилки, несомыя невольниками Галльскими; но прежде, чѣмъ предшавляшь пьянство, скажи мнѣ, Женни, завпракала ли ты? Вы мо-

жесте себѣ предспавишь, какъ трудно мечташь, не спавши и еще по назначенію; какъ скучно женщинѣ стояшь цѣлые часы молча и недвижимо; надобно удерживашь страсть, злость, пьянство и любовь и бышь покойною. Она должна бышь необыкновенною актрисою, ибо должна играть для одного человѣка, должна украситься лохмотьями, панцовашь въ черномъ фаршукѣ вмѣсто бальнаго плашья, представлять Королеву въ коронѣ изъ шелковой пряпцы, мученицу, молящуюся съ подъятыми вверхъ глазами, распѣвая пѣсни Беранжера.

Бѣдная женщина! она прохо-

дила всё крайности, чтобы исполнишь малѣйшее желаніе живописца: ее жгли, рѣзали, душили, распинали, повергали въ восточное сладострастіе, въ адъ и въ рай. Она представляла Архангела съ позлащенными крыльями, испытала всё обыкновенія жизни: была женою вельможи, мѣщанкою, царицею, богинею, чего же болѣе? И ни кто не одобрялъ ее, ни кто не хлопалъ руками; она не пользовалась ни малѣйшею частицею славы картины. Смотря на картину, говорили; какъ прелестна эта женщина! какой взглядъ! какія руки! какое вдохновеніе въ головѣ артиста! Его превозносятъ до

небесъ, осыпаютьъ знапомъ и почестями; бѣдную Женни не удостоиваютъ взглядомъ; однако Женни составляетъ картину.

Спранное смѣшеніе прелести съ бѣдностію, невѣжества съ искусствомъ, ума и глупости. Невинность прелестной дѣвушки шумъ не спрадастъ, она можетъ выйти честною и невредимою изъ рукъ и взоровъ художника, слѣпо повинувась всѣмъ наиспраннѣйшимъ его желаніямъ! Искусство оправдываетъ всѣ дѣйствія, оно позволяетъ дѣвицѣ предаться тѣло свое живописцу, ибо онъ столько же имѣетъ права, какъ и операторъ, кошорому дають тѣла свои безъ раскаянія и угры-

зеній совѣсти. Женни была тиха и скромна, Женни была послушна арписпу, слѣпо повиновалась ему во всемъ, что касалось искусства; далѣе кончалась ея должность. Арписпъ дѣлался человѣкомъ, Женни оспавляла блестящую ролю, она низходила съ высоты, на которую вознесъ ее арписпъ, чтобы съ нею вмѣстѣ возвыситься. Женни дѣлалась простою женщиною; чтобы лучше защищаться, она закрывала свои бѣлыя руки, покрывала грудь свою старымъ Индѣйскимъ платкомъ, надѣвала свои разорванные чулки. Кто не уважилъ бы Женни!

Вы хопише знать, что сдѣлалось съ Женни?

Она принесла искусству болѣе пользы, нежели наши Министры внутреннѣхъ дѣлъ въ печеніи двадцати лѣтъ. Она устѣяла храмы изображеніями Святыхъ, наполнила будуары прелестными лицами, женскими головками, разсмоприваемыми молодыми беременными женщинами съ восхищеніемъ; лице и руки ея отражаются въ историческихъ картинахъ. Ее доброта была полезна многимъ арписпамъ; кто имѣлъ Женни въ масперской, тотъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ. Женни презирала дурныхъ и убѣгала новѣйшихъ знаменишихъ арши-

сповѣ; она показывала прелестное лице свое только геніямъ, и имъ только вѣрила. Когда архипишть былъ бѣденъ, Женни даромъ съ нимъ сиживала. Добрая дѣвушка! Она болѣе покровительствовала искусивамъ, чѣмъ всѣ Медицисы въ Италіи. Но искусство погубила Женни, оно лишилось прелестнаго оригинала! Женни измѣнила искусству; чтобы быть вѣрною мужу, она вышла за мужъ за прекраснаго и богатаго дворянина, котораго зналъ ей цѣну, зналъ ее невинностьъ, зналъ какъ прелестна красота безъ покрывала. Ахъ! съ тѣхъ поръ искусство оставлено на произволъ судьбы, безъ

добродѣтели, безъ власти, безъ будущности, безъ богатства и безъ дѣла!

Что сдѣлалось съ Женни? вы спрашиваете. Она сдѣлалась щастливою, какъ то бываетъ обыкновенно съ прекрасными женщинами; она была любима, уважаема, честима. Сдѣлавшись важною дамою, она все еще любила искусство, была ему предана, и оспалась артисткою. Правда, она бросила бѣдное платье, и плапокъ, увѣсила шею алмазами, Кашемирскіе шали покрывающъ плечи ея, платье ее вышито, чулки прозрачны, она носитъ Венеціанскія перчатки на бѣлыхъ рукахъ

своихъ, воспочные духи умащаюпть шъло се, она имъепть фамилю и прислугу. Но не бойпесь, приблизьпесь, она все еще Женни, Женни цвъшочница, Женни модель; если вы Ингресь, Деларомъ или Вернепть, Дешанть или Юганопть, то скажите ей: Женни, мнѣ нужна женская рука! Женни сбросишть свои Венеціанскія перчашки. Женни, мнѣ нужны бѣлыя и свѣжія плечи, прещущая грудь, — она снимепть шаль и покажепть вамъ грудь и плеча свои. Скажите ей: Женни, я дѣлаю Апаланпу, мнѣ нужна вся нога Апаланпы! Женни, важная дама, подаспть вамъ ногу, какъ Женни цвъшочница! Доб-

рая дѣвушка! проспа, откровенна, и привязанна къ искусству, она уважаетъ красоту свою, ибо любитъ искусство; она при всѣхъ хвалишь красоту свою, ибо она всюду хороша: на холстѣ, камнѣ, мраморѣ, мѣди, глинѣ, всегда прекрасна! Пусть искусство не плачетъ, Женни все еще принадлежитъ искусству; она составляетъ славу и богатство онаго: искусство позволило ей сочетаться съ вельможею; но это только заемъ; вельможа долженъ быть гошовъ всегда возвращишь Женни аршисту: это условіе написано въ свадебномъ контрактѣ Женни.

К о н е ц ъ .

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано :

Читай :

Стрп. Стрк.

1	8	—	,
—	9	,	—
19	4	Свѣшъ	свѣшъ
27	6	,	
32	15	;	:
35	6		?
40	16	;	,
46	15	Свѣшъ	свѣшъ
149	4	любовницею.	любовницею
		Рафаэля	Рафаэля
156	9	погубила	погубило